

15

Argyle M.

Non-verbal Communication in Human Social Interaction. — In: R. A. Hinde (ed). Non-verbal Communication. Cambridge, 1972;

16

Riley Ph.

Communicative and Discursive Competence in Interaction. In: K. Sajavaara (ed.) Linguistics and Language Teaching. Reports from Department of English, University of Jyväskylä, N 5, 1977;

17

Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.

Язык и культура. — М., 1976;

18

Leach E.

The Influence of Cultural Context on Non-verbal Communication in Man. — In: see 16;

19

Clyne M.

Communicative Competences in Contact. — IFL 43, 1979.

Е. Н. Гаврилова

*Аспирант
Московского
государственного
университета им.
М. В. Ломоносова*

Обобщенность как категория лингвистики текста

Приступая к изучению русского языка, носители артиклевых языков сталкиваются с большой трудностью — отсутствием артиклей в русском языке. На первый взгляд может показаться, что в процессе общения артикль создает четкую дифференциацию различных семантических оттенков имени. Однако русские люди при знакомстве с иностранными языками встречаются с противоположной проблемой — неоднозначностью артиклей и многообразием правил их употребления в речи. И действительно, современные исследования свойств артиклей в различных языках показали их полисемантическую и полуфункциональность [1—4].

В настоящее время активно изучаются способы компенсации артиклей в безартиклевых языках, и в частности в русском [5—10]. Очевидно, что слово само по себе, взятое абсолютно, например в словаре, не содержит представления об определенности/неопределенности обозначаемого им предмета. Указанная семантика «накладывается» на имя при релятивном его употреблении в конкретном речевом контексте. Причем для выделения этого значения может быть недостаточен и объем предложения. Скажем, фактор предупрежденности, указывающий на определенность предмета, действует в основном за пределами одного предложения. Таким образом, сущ-

ность категории определенности/неопределенности может быть раскрыта в масштабе связного текста.

Исследователи интересующей нас проблемы сходятся на том, что значения определенности и неопределенности не составляют бинарной оппозиции, их семантика градуирована в зависимости от лексического значения имени, от его синтаксической функции, от участников акта коммуникации, их отношений, их информированности о предмете речи.

Если проследить градацию значений от крайней степени неопределенности до предельной определенности, выраженных эксплицитно в виде указательных слов при имени, то можно составить шкалу следующего вида (см. также статью Т. М. Николаевой [10]: *всякий, любой, каждый* (какой угодно) /*какой-нибудь* (безразлично какой) /*какой-то* (неизвестно какой) /*некий* (конкретный, но не указано какой) /*некоторый* (неозначенная определенность) /*тот* (отдаленная известность) /*этот* (приближенная известность) /*все* (эти самые, известные). Конечно, это членение не абсолютно, и между названными ступенями возможны переходные случаи, т. е. семантически категория определенности/неопределенности характеризуется структурой поля [11]. Например, значение неопределенности оценивается субъективно: это может быть неопределенность как для говорящего, так и для слушающего.

Но существует и безотносительная неопределенность, не зависящая от точки зрения, — это значение обобщенности: *Книги по истории* (любые) *содержат много цифрового материала; Одноэтажные дома* (все) *уходят в прошлое.*

И если при любой степени определенности/неопределенности объекта сохраняется связь между именем и референтом действительности, то в случае обобщения имя называет класс предметов в целом и не соотносится с каким-либо отдельным представителем класса или его частью.

На приведенной шкале градаций крайнее место по неопределенности занимает значение имен с местоимениями *всякий, каждый, любой*. Эту ступень можно представить расчлененно:

а) *Во всякой комнате у него было по шкапику, и во всяком шкапике по графинчику* (Тургенев). *Выкатывай из-под кровати любой арбуз, какой на тебя смотрит* (Смирнов)¹.

б) *Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь* (Лермон-

тов). *Любой профессор позавидовал бы некоторым его познаниям, но в то же время он не знал многого, что каждому гимназисту давным-давно известно* (Тургенев).

В первом случае (а) мы имеем дело с неопределенным объектом, так как область выбора этого предмета ограничена, а во втором случае (б) те же детерминативы придают имени значение обобщенности, так как область выбора включает все предметы данного класса.

Следовательно, обобщенность можно представить как крайнюю степень неопределенности. Это неопределенность единичного предмета, произвольно выбранного из ряда ему подобных.

Обратимся к шкале градаций еще раз, но уже к ее противоположной крайности. Значения, привносимые в имя детерминативом *все*, также можно проиллюстрировать двояко:

а) *Все красивые женщины общества будут там* (Л. Толстой). Имеется в виду реальный охват расчлененного множества конкретно взятых предметов (в данном случае — лиц).

б) *Влюбленные все таковы: то слишком слепы, то слишком прозорливы* (Гончаров). Речь идет об обобщенной совокупности (тоже расчлененной, но количественно неограниченной) предметов такого-то рода, наделенных особым, только этому роду присущим набором свойств. Это крайняя степень определенности — определенность понятия, выражаемого данным именем.

Иначе говоря, обобщенное существительное и в речи сохраняет свойства абсолютного, словарного своего значения — выражать понятие о классе предметов, обладающих некоторой суммой признаков, и в то же время назвать любой отдельно взятый предмет данного класса.

Совмещение в обобщающем имени значений определенности класса предметов и неопределенности единицы этого класса позволило исследователям говорить о нейтрализации противопоставления по определенности/неопределенности у конкретных существительных при таком употреблении [7, 8]. Причем обобщающее значение выделяется носителями языка, на первый взгляд, интуитивно, или, как говорится, «угадывается из контекста».

Это, безусловно, свидетельствует о том, что мы имеем дело со «скрытой» категорией, так как для нее нет единого формального показателя. Однако в каждом отдельном случае существуют грамматико-семантические опоры нашим догадкам.

Анализ высказываний, содержащих обобщающее имя, помогает извлечь при исследовании текста более или менее четкие указания,

¹ В числе других использованы примеры из картотеки Словарного сектора Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР.

набор грамматических признаков, позволяющих выявить нужное нам значение.

Прежде всего в качестве показателя обобщающего значения существительного можно назвать способность имени присоединять кванторные слова (*все, любой, какой бы то ни было, ни один* и др.). Например: *Тут такая риторика, что любому философу можно запятую поставить* (Чехов). *Забвение — естественный удел всякого отсутствующего* (Пушкин).

Следует отметить, что не только присловный квантор создает значение всеобщности имени: *Детей всегда интересует, что внутри картонной лошади* (Маяковский).

А в тех случаях, когда и при отсутствии кванторных слов «чувствуется» обобщающее значение существительного, подстановка «опущенного» квантора позволяет уточнить, проверить интуицию: *Пьеса (любая) пишется для того, чтобы ее играли* (Булгаков).

Второй отличительной особенностью обобщающего значения имени является тот факт, что формы единственного и множественного числа не реализуют в данном случае своей квантитативной функции и могут взаимно заменяться без ущерба для семантики высказывания: *...публицист (публицисты) имеет (имеют) возможность написать: в настоящее время обществом чрезвычайно заинтересовано и т. д.* (Михайловский).

Надо сказать, что форма глагола-сказуемого в высказывании также безразлична к семантике существительного. Отсутствие предметной соотнесенности имени опирается, как правило, на незакрепленность действия во времени. Настоящее глагольное время свидетельствует о постоянном, повсеместном распространении характеристики, приписываемой субъекту, т. е. из всех значений этой формы обобщающее имя «предпочитает», конечно, не «актуальное настоящее», а «настоящее абстрактное», или «настоящее потенциальное»: *Слушающий может гораздо лучше говорящего понимать, что скрыто за словом, и читатель лучше самого поэта постигать идею его произведения* (Потебня). *К выставкам обыкновенно прилагается указатели и пояснительные каталоги* (Вяземский).

Иногда в проверке искомого значения существительного может помочь признак контекстуальной независимости обобщающего высказывания. Известно, что общие суждения (сентенции) сохраняют свою истинность и при изолированном их произнесении: *Измерение роста писателей — дело читателей* (Горький). Это позволяет нам довольно свободно передвигать их в синтагматическом ряду фраз. Например: *(Проголодавшись за ночь, они рвали холодный ночной виноград, а если она*

на цыпочках выносила из кухни хлеб, не было ужина прекраснее.) Хлеб и виноград — древний ужин влюбленных (Михайлов). Универсальное высказывание можно было бы поместить вначале и сделать его посылкой для изложения.

Однако, при всей самодостаточности содержания общих высказываний, появление их в реальном контексте обусловлено по меньшей мере тематически. Кроме того, сентенциальные предложения зачастую содержат в своем составе неотделяемые структурные связи типа *я слышал, что..., известно, что...* и другие указания на связность с предыдущими или последующими предложениями в виде служебных и дейктических слов.

Все названные признаки дополняют друг друга, и каждый из них не носит абсолютного характера. Далекое не все употребления обобщающего значения имени подвергаются взаимозамене форм числа и подстановке кванторов, и, наоборот, некоторые из них допускают форму прошедшего времени глагола-сказуемого и обнаруживают тесную контекстуальную связанность. Эти ограничения накладываются прежде всего синтаксической структурой фраз, в которых встречаются интересующие нас имена.

Традиционное логическое суждение всеобщности представлено грамматически формой двусоставного предложения (*все S суть P*), в котором конкретные существительные и в качестве подлежащего, и в составе сказуемого имеют сигнификативное, обобщающее значение: *Современный зритель — человек дотошный* (Немирович-Данченко). Однако между субъектом и предикатом общего суждения могут быть отношения включения (*Кошка — домашнее животное*), отношения модальности (*Педагог обязан быть терпеливым*), отношения потенциальности (*Геологи мало бывают дома*), отношения экзистенции (*Какие хорошие пьесы есть!*) и т. д. Поэтому двусоставная форма обобщающего высказывания предоставляет широкое поле для варьирования способов выражения субъекта и предиката. Именно здесь можно уточнить лексические возможности обобщенности как функционально-семантической категории².

Анализ сентенциальных утверждений показывает, что предметом обобщения может служить буквально любое имя, принадлежащее к разряду конкретных существительных. Имена лиц, имена предметов, имена событий, имена действий-поступков, имена временных

² О понятии функционально-семантической категории см [12, 13].

отрезков и т. д. подвергаются в речи разнообразным обобщенным характеристикам: *Старик и теряет память всего недавнего* (Л. Толстой). *Горы и пропасти созданы тоже не для увеселения человека* (Гончаров). *Тут я сообразил, что в спектаклях бывают антракты..., помимо антрактов бывают и паузы* (Булгаков).

Причем в качестве субъекта может здесь выступать не только однословное наименование, но и расчлененная номинация, которая, будучи эквивалентной слову, также несет целостное представление о предметах такого рода (ср. *необитаемый остров, визитные карточки, поддельные цветы* и т. д.). Присловные определители здесь не носят лимитирующего характера, они выполняют не выделительно-атрибутивную, а описательно-атрибутивную функцию и образуют вместе с именем цельную семантическую единицу. Такая спаянность определительной конструкции не имеет фразеологической закреплённости и проявляет себя именно при обобщении: *Чуть не от заставы уже пахло всем, что только присуще старому русскому городу* (Бунин) — речь идет не о городах, и даже не о русских городах, а только о старых русских городах. *Люди мысли исполняют свое дело, выражая общественное мнение* (Л. Толстой). *Трудно знать, что думает дворовый крепостной человек в то время, когда барин ему дает наставление* (Гоголь). Итак, «увеличение степени семантической детализации» [14, с. 61] не только не препятствует обобщению, но значительно увеличивает его возможность.

Сфера выражения субъекта в предложении расширяется также за счет субстантивации: *Счастливые часы не наблюдают* (Грибоедов).

Суждение всеобщности — это, можно сказать, «классический» контекст использования имен в обобщающем значении: синтагматическая независимость, форма абсолютного настоящего времени и взаимозаменяемость форм числа действуют тут без ограничений.

Если логика может нам предоставить двуставные типы синтаксических конструкций, то грамматика русского языка традиционно расчленяет значения определенности, неопределенности и обобщенности в сфере синтаксиса односоставного предложения. Указанные категории выявляют свое содержание в семантической структуре высказывания и выделяются на основе форм сказуемого. То, что в обобщенно-личном предложении для глагола-сказуемого допускается форма как единственного, так и множественного числа, перекликается с аналогичным свойством обобщающих имен. И не только глагольная форма вызывает здесь представление о «всеобщем агенте»

[15], но и существительные, входящие в состав обобщенно-личных предложений передают обобщающее значение: *В городе живешь, как на высокой горе, — все видно* (Смирнов).

Безличные предложения, выступая зачастую формой суждения всеобщности, включают в качестве распространителей имена, но соотносительные с единичным предметом, а лишь передающие понятие, которое содержится в слове: *В одну повозку впрячь не можно коня и трепетную лань* (Пушкин). *Нужно максимально мобилизовать все средства воздействия на читателя — от развернутого очерка до фотографии* (Горький).

Существительные в обобщающем значении типичны также для разного рода условных конструкций. В названных структурах имя реализует свой семантический потенциал, оно становится наглядно-примерным обозначением предмета, которому свойственны некоторые отличительные признаки. Условные конструкции представляют собой как бы общее суждение с оговоркой; они содержат предположение, при котором универсальное высказывание было бы верно: *Впрочем, если слово из улицы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели* (Гоголь). *Скверная примета, говорят, если разобьется зеркало* (Булгаков).

Сюда же следует отнести случаи сопоставительных конструкций, приближающихся по своему значению к условным: *Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей* (Пушкин).

Сравнение, по всей видимости, есть одно из языковых явлений, наиболее тесно связанных с обобщением. Все конструктивные способы выражения сравнения в русском языке могут включать в свой состав имя в неактуализированном употреблении. Подразумевается, что существительное, взятое для сопоставления, не указывает на какой бы то ни было предмет действительности, а лишь называет его свойства, на основе которых и выявляются сходства или различия соотносимых объектов. В контексте сравнительной конструкции слово сохраняет свой первоначальный образ, который создается при изолированном его произнесении: *Дика, печальна, молчалива, как лань лесная, боязлива* (Пушкин).

Кроме структурно-синтаксических факторов, влияющих на сохранение в речи виртуального³ значения имени, можно представить слу-

³ При рассмотрении смыслового содержания словесного знака... «виртуальный» означает постоянный, неизменяемый в противоположность «актуальному», как способному при реализации обрести что-то новое и потому воспринимаемое как изменяющееся, подвижное [17, с. 66].

чаи создания обобщения на основе лексической семантики предиката. Трудности, связанные с разграничением подклассов той или иной части речи, не позволяют достаточно четко обозначить семантические группы глаголов, не индивидуализирующих предметы действительности, обозначенные их актантами.

Наиболее сложное явление представляют собой бытийные предложения с предикатом *быть, существовать, находиться* и т. д., построенные по принципу *Там-то есть то-то*. Н. Д. Арутюнова [16, гл. IV] описывает трехкомпонентную структуру таких предложений (класс предметов + экзистенциальный предикат + область бытия), классифицирует их и среди прочих выделяет такие, в которых область бытия равна миру. Попадая в сообщение о наличии в мире класса объектов, существительное именуется понятие, универсальное представление, которое содержится в этом слове: *Бывают сложные машины на свете, но театр сложнее всего* (Булгаков). *Как известно, всю зиму и осень в деревнях бывают по вечерам носиделки* (Г. Успенский).

Однако надо сказать, что экзистенциальный предикат допускает разнообразнейшие семантические связи, и значение обобщенности может ограничиваться здесь варьированием лексического наполнения фразы.

В качестве бесспорного примера взаимовлияния обобщающей семантики имени и значения предиката можно назвать все многообразные случаи выражения лексической модальности в русском языке. Модальные глаголы и в двусоставном, и в безличном предложении свободно вовлекают в свое окружение нереперентные существительные. В обобщении могут участвовать также безлично-предикативные слова, модальные прилагательные и даже существительные: *Дети требуют от книги новых переживаний, они с волнением следят за поступками героев* (Барто). *Журнал должен иметь прежде всего физиономию, характер* (Белинский). *Одна из главных обязанностей художника заключается в устройстве внутреннего мира его героев* (Салтыков-Щедрин). Причем, модальный смысл оказывается настолько весомым в семантике высказывания, что обобщение сохраняется и при форме прошедшего времени или совершенном виде глагола-сказуемого: *Приходило ли вам когда-нибудь читать пьесу один на один кому-нибудь?* (Булгаков).

По значению к модальным примыкают также глаголы чувств и их перифрастические замены (*быть без ума, возбуждать недоверие, питать любовь* и пр.). Глаголы чувств могут обозначать эмоции, «замкнутые психикой субъекта» (*волноваться* и др.), и тогда они имеют при себе обобщающий субъект;

глаголы «интерперсональных отношений и предметно-ориентированных эмоций» [16, с. 126], обозначающие чувство-действие, сочетаются с дополнением, которое указывает не на единичный предмет, а на признаки, объединяющие множество различных предметов под одним наименованием: *верить в человека, бояться зверей* и т. д.

Исследователи семантического синтаксиса неоднократно отмечали тот факт, что свойства слов как семантических компонентов высказывания в значительной степени определяются их синтаксической позицией. В отличие от абстрактных существительных, которые призваны выражать логические значения — причины, цели, следствия, уступки, — конкретные имена называют субъектно-объектные и пространственно-временные отношения [16, с. 122]. В данной статье уже не раз были отмечены обобщающие существительные в роли глагольных актантов; т. е. обобщающее значение действует в обычных для конкретного имени пределах.

Кроме того, установлено, что для имени в роли предиката характерно отсутствие предметной соотнесенности, реализация только сигнификативного компонента своего значения. А обобщающее значение имени также вытесняет представление о предмете, выдвигая на первый план понятийную сторону значения. Поэтому неудивительно, что такому имени часто отводится роль предиката: *Кто поэт про себя и для себя, презируя толпу, тот рискует быть единственным читателем своих произведений* (Белинский).

Но, как известно, не только собственно сказуемое выполняет предикативную функцию. Разного рода атрибутивные отношения могут содержать элементы предикации. Существительное в роли определения выступает в первую очередь именем признака, наименованием комплекса специфических черт, присущих предмету, и если оно принадлежит к разряду конкретных, то утрачивает денотативный аспект своего содержания.

Поэтому приложение или генитив определительный являются естественной позицией обобщающего имени в высказывании: *Всем доблесть рыцаря известна: ты скромен, следовательно не слаб* (Батюшков). Ср. другие способы выражения несогласованных определений: *места для зрителей, игра на рояле...*

Как частный случай уже названных явлений можно привести единую семантическую роль, которую обобщающее имя реализует в качестве двух разных членов предложения. Это «творительный сравнения», который рассматривается как обстоятельство образа действия, и «родительный сравнения», который является несогласованным определением. Такое свер-

нудое сравнение сближается с предикативным употреблением имени: *высматривает орла о м, пищит п т и ц е й* (Гоголь), *с ученым видом знатока, люблю любовью б р а т а* (Пушкин).

Суммируя вышеизложенное, можно перечислить списком грамматические признаки обобщенности (т. е. сохранения при употреблении в тексте потенциального, словарного значения имени существительного конкретного):

1) Факторы, действующие внутри высказывания: а) кванторы всеобщности; б) абсолютное настоящее время глагола-сказуемого; в) взаимозаменяемость форм единственного и множественного числа существительного; г) относительная контекстуальная независимость обобщающего высказывания.

2) Структурные характеристики: а) двуставные общие суждения; б) обобщенно-личные предложения; в) безличные предложения; г) условные конструкции; д) сравнительные конструкции.

3) Семантика предиката: а) экзистенциальные глаголы; б) модальные слова; в) глаголы чувств.

4) Синтаксические функции имени: а) предикатив; б) субъект обобщающего высказывания; в) объекты при глаголах указанной семантики; г) несогласованное определение и приложение; д) обстоятельство образа действия (творительный падеж).

Понятно, что в реальном тексте указанные признаки действуют в совокупности, накладываясь друг на друга, образуя многообразные комбинации. В различающихся контекстах доминирующую роль может приобретать один из них, значительно ослабляя или даже исключая влияние других. Так, модальность всегда оказывается «сильнее» признака вневременности, что позволяет строить обобщение с предикатом совершенного вида; семантическая независимость в контексте действительна только для суждений всеобщности; взаимозамена форм числа имеет множество лексико-семантических ограничений и т. д. Что же касается синтаксических структур, то ни одна из них не является исключительно приспособленной для обобщения (кроме обобщенно-личной; впрочем, отличие ее от определенно-личных и неопределенно-личных строится на сугубо семантической, а не на формально-грамматической основе).

ЛИТЕРАТУРА

1
Крамский И.
К проблеме артикля. — Вопросы языкознания, 1963, № 4;

2
Kramsky I.
The article and the concept of definiteness in language. The Hague-Paris, 1972;

3
Габучия Г. М.
Теория артикля и проблемы арабского синтаксиса. — М., 1972;

4
Иртеньева Н. Ф.
Родовой (обобщающий) артикль в английском языке. — В кн.: Проблемы языкознания и теории английского языка, вып. 1. М., 1976;

5
Поспелов Н. С.
О синтаксическом выражении категории определенности/неопределенности в современном русском языке. — В кн.: Исследования по современному русскому языку (памяти проф. Е. М. Галкиной-Федорук), М., 1970;

6
Ревзин И. И.
Некоторые средства выражения противопоставления по определенности/неопределенности в современном русском языке. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования, М., 1973;

7
Алехина М. И.
Определенность/неопределенность как контекстуальная категория. — Русский язык в школе, 1974, № 5;

8
Рылов Ю. А.
Определенность/неопределенность существительного в отношении к актуальному членению предложения. — Автореф. канд. дисс., Воронеж, 1974;

9
Фурсенко Д. И.
Способы выражения неопределенности предмета в современном русском языке. — Русский язык для студентов-иностранцев, вып. 14, М., 1974;

10
Категория определенности/неопределенности в славянских и балканских языках. — М., 1979;

11
Шур Г. С.
Теории поля в лингвистике. — М., 1974;

12
Бондарко А. В.
Грамматическая категория и контекст. — Л., 1971;

13
Бондарко А. В.
Теория морфологических категорий. — Л., 1976;

14
Уфимцева А. А.
Лексическая номинация (первичная нейтральная). — В кн.: Языковая номинация (виды наименований). М., 1977;

15
Воронина Д. Д.
Типы агенса и значения определенности, неопределенности и обобщенности. — Филологические науки, 1975, № 4;

16
Арутюнова Н. Д.
Предложение и его смысл. — М., 1976;

17
Уфимцева А. А.
Типы словесных знаков. — М., 1974.